

**ДВА ДОН-КИХОТА:
ИЗМЕНЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ СВЕРХТИПА
ОТ 1870-Х К 1890-М ГОДАМ (ЛЕСКОВ И ЧЕХОВ)**

Исследуется функционирование вариантов сверхтипа Дон-Кихота в русской литературе 1870–1880-х гг. Персонаж романа-хроники Лескова «Захудалый род» соответствует канонической модели сверхтипа, персонаж рассказа Чехова «Соседи» существенно отличается от характерологического образца. Изменение художественной концепции сверхтипа связано с эволюцией культурного самоощущения персонажей-носителей «донкихотского» комплекса.

Ключевые слова: образ-символ, энтузиазм, идеализация, «обыкновенный человек», философия поступка.

Предметом настоящей статьи послужило изменение художественной концепции сверхтипа Дон-Кихота в русской литературе двух смежных эпох – 1870-х и 1880-х гг.

Теоретическое обоснование его дал И. С. Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот» (1860). Дон-Кихот, замечает Тургенев, представляет собой одну из двух «коренных, противоположных особенностей человеческой природы». Дон-Кихота, как универсальный человеческий тип, отличает вера в истину, «находящуюся *вне* отдельного человека... требующую служения и жертв», отсутствие эгоизма и повышенный уровень энтузиазма (букв. «воодушевление»): «жить для себя, заботиться о себе – Дон-Кихот почёл бы постыдным. Он весь живет для других, для своих братьев, для истребления зла <...> В нем нет и следа эгоизма»; «Дон-Кихот энтузиаст, служитель идеи и потому обвеян ее сияньем» [Тургенев, 1964. С. 174]. Конститутивные признаки сверхтипа – этическое сознание, экстравертный тип личности, социальная активность, комическая ролевая функция в обыденной жизни.

Рассмотрим, насколько тесно примыкают к этому символу образы, созданные двумя

писателями последних десятилетий XIX столетия – Н. С. Лесковым и А. П. Чеховым.

Роман-хроника Н. С. Лескова «Захудалый род» (1874) (подзаголовки «Семейная хроника князей Протозановых»; «Из записок княжны В. Д. П.») в своем сюжетном составе содержит историю небогатого дворянина Доримедонта Васильевича Рогожина, причем сюжет о нем по смысловому и композиционному значению почти тождествен сюжету о княгине Варваре Никаноровне Протозановой. Рогожин получает именование «Дон-Кихот Рогожин», иногда просто «Дон-Кихот», и называется так по частотности столько же, сколько по имени-отчеству или фамилии. Имя-знак настолько тесно срослось с личностью этого персонажа, что вытеснило его биографическое имя и в существенной степени «стёрло» его биографически-индивидуальное «лицо».

Фигура Рогожина в фиктивной реальности романа мифологизируется, отрываясь от биографической фактуры персонажа. Не стоит забывать, что в семейной хронике Протозановых описывается давно прошедшее историческое время – из 1870-х гг. Лесков обозревает 1820-е гг. Идеализация глав-

ных действующих лиц хроники облегчает их мифологическую трансформацию. Рогожин «был чудака, каких и в тогдашнее время было мало на свете, а в наш стереотипный век ни одного не отыщется» [Лесков, 1989. Т. 6. С. 69]¹. Автор подчеркивает сходство своего персонажа с мировым образом – как внешнее, так и психологическое: «Он был длинный, сухой и рыжий дворянин с грустными... глазами <...> Рогожин своею наружностью в общем чрезвычайно напоминал всем столь известную фигуру Дон-Кихота и так же, как тот, был немножко сумасшедший. По случайной фантазии, оригинальный костюм Рогожина еще более довершал его сходство: Доримедонт Васильевич любил верхнее короткое платье вроде камзола или куртки, похожей на бедный колет рыцаря Ламанча...» (С. 69); «Он был враг всякого угнетения и друг демократии, но вместе с тем и друг изгнанного дворянства, реставрации которого тоже сильно сочувствовал, потому что любил “благородство идей” и ненавидел зазнающихся выскочек. Возвратясь домой (из французского плена. – Л. С.), он потерялся: чему сочувствовать и за кого заступаться?» (С. 69–70).

Таким образом, этот бедный дворянин, вся «крепостная сила» которого насчитывала девять мужиков, энтузиаст идеи эмансипации кого угодно от любой несправедливости, недвусмысленно соотносится с мировым образом Дон-Кихота, и притом соотносится вполне «канонически», совпадая с характерологическим ядром первообраза и своими часто нелепыми деяниями, и обликом.

К Рогожину был приставлен из его отпущенных на волю мужиков камердинер и соратник по имени Зиновий, комический двойник барина, наделенный комическим же уродством – после падения с дерева «он так странно сросся, что вся нижняя его половина всегда точно шла на один шаг сзади верхней» (С. 70). В телесном неблагообразии Зиновия просвечивает гротескно-материальная символика «чуждости», характерная для Рогожина: «Мужик Зинка, сделавшийся Санчо-Пансой нашего Дон-

Кихота, кажется, был приурочен к этой должности самой природой» (С. 70). Зиновий воспринимает себя в качестве субъекта обыденного (рассудочного) знания, а своего барина – как проводника высшей истины, но одновременно и житейского неразумия. Зиновий есть «представитель массы» (И. С. Тургенев): «В душе он считал Рогожина дурачком или по крайней мере “Божьим человеком”. Ну, словом, Пансо был по всем статьям как на заказ для нашего Дон-Кихота выпечен, и они запутешествовали» (С. 71).

Повествование о Рогожине мифологизируется по мере того, как персонаж захватывает сюжетное пространство романа. В разбитую телегу Рогожина были впряжены необыкновенные кони. Их родоначальница – «серая кобылица обыкновенной крестьянской породы» (С. 71) – произвела незаурядное потомство: «Что же делали эти одры, когда они слышали крик его Пансы – это было уму непостижимо! Они, говорят, летали до ста верст в одну упряжку, и именно не бегали, а *летали*, как птицы (курсив мой. – Л. С.). <...> было живое предание, что они поднимались со всем экипажем и пассажирами под облака и летели в вихре, пока наступало время пасть на землю, чтобы дать Дон-Кихоту случай защитить обиженного или самому спрятаться от суда и следствия» (С. 75). В народном сознании происходит дальнейшая мифологизация волшебных помощников Рогожина.

Женится Дон-Кихот Рогожин на девушке-крестьянке, оказавшейся из обедневшего дворянского рода; точнее, женится только после того, как убедился, что она дворянка, – высшей жизненной ценностью для него является дворянская честь. Бывшие товарищи-крестьяне так и называли избранницу Рогожина – «барыня Аксютка» (С. 85). Эта своего рода Дульсинея быстро наскучила Дон-Кихоту, и он почувствовал тягу к новым приключениям во имя мирового добра, вдохновленный тем, что «доброе, старое кочевое время возвращается» (С. 86).

Жизненная энергия лесковского Дон-Кихота столь значительна, что его отсутствие в Протозанове будто лишает пространство усадьбы «гения места»: «...когда Дон-Кихот вдруг исчезал, эти живые беседы обрывались, и тогда все чувствовали живой недостаток в Рогожине. Возвращался он, и с

¹ В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в тексте в круглых скобках с указанием страницы.

ним в Протозаново возвращалось веселье. Приезжал ли он избитый и израненный <...> он все равно нимало не изменялся и точно так же читал на память повесть чье-нибудь дворянского рода... или декламировал что-нибудь из рыцарских баллад, которых много знал на память» (С. 89).

Связь с рыцарскими традициями у Рогожина обнаруживается не только в его самоотверженном служении «идеалу» – ведь даже его рассказы имели «всегда своим предметом рыцарское благородство» (С. 89), – но и в его стремлении во что бы то ни стало не уронить абстрактно понятой сословной доблести. Рогожина потрясали анекдотические истории нравственной деградации знатных семей, которые он сам же и пересказывал в домашнем кругу Протозановых (С. 89), и больше всего он боялся оскудения дворянских родов. «Тут уж не по грамоте, а на деле дворянин...» – отзывалась о нем княгиня Протозанова (С. 87).

Романная судьба Рогожина сводится к такому же «захуданию», что и приводимые им примеры ушедших дворянских родов: ближе к 1825 г. дом Протозановых по разным причинам «замирает» и распадается. Испугавшись за душевное здоровье княгини, «Дон-Кихот стал вести себя смиренно и дожил век в Протозанове на страже, с решимостью умереть, охраняя княгиню, когда это понадобится» (С. 189). Так Дон-Кихот Рогожин оставил свои подвиги и мирно скончался в протозановском доме.

Жизненное поведение Рогожина не уклоняется от постулированной Тургеневым характерологической схемы. Это абсолютно «нормальное» поведение энтузиаста, служителя идеи, психологически и сюжетно оправданное.

В рассказе А. П. Чехова «Соседи» (1892) трактовка сверхтипа Дон-Кихота иная. Эпоха «упадка» русской литературы, о которой через год объявит Д. С. Мережковский, выражается в том числе и в переосмыслении этого «вечного образа». В рассказе «Соседи» персонаж по фамилии Власич, как и лесковский Рогожин, прямо именуется Дон-Кихотом. Но это именование не авторское. Оно принадлежит персонажу, обиженному Власичем, – Петру Михайлычу Ивашину. Сестра Ивашина оставила родовое гнездо и ушла жить к Власичу. Петр Михайлыч раз-

мышляет: «Он – Дон-Кихот, упрямый, фанатик, маньяк <...> а она (сестра. – Л. С.) такая же рыхлая, слабохарактерная и покладистая, как я...» [Чехов, 1986. Т. 8. С. 65]². Ивашин едет к соседу с намерением вернуть и сестру, и дворянскую честь: «Теперь уж ему казалось, что вопроса никак нельзя решить. С свершившимся фактом мириться нельзя, не мириться тоже нельзя, а середины нет» (С. 56).

До времени обрюзгший и растолстевший Ивашин, не сделавший к своим 28 годам ничего примечательного, рассуждает о кризисе социальной морали: «Один обольстил и украл сестру <...> другой придет и зарежет мать, третий подожжет дом или ограбит... И все это под личиной дружбы, высоких идей, страданий!» (С. 57). Культурно-антропологическая модель пассивного человека в эпоху социального разочарования предусматривает сожаление о героическом прошлом. При этом сам человек вполне соответствует безгеройному времени, которое, как это ни парадоксально, обеспечивает ему вполне комфортное существование вне «прекрасного и высокого».

В рассказе, как обычно у Чехова, реализуются частные судьбы людей 1880-х гг. и умонастроение утраты «общей идеи»³. Но чеховские персонажи не утверждают деяний, вписывающихся в дон-кихотскую парадигму. Л. Шестов пессимистически заметил: «Чехов был певцом безнадежности. Упорно, уныло, однообразно в течение всей почти 25-летней деятельности Чехов только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды. И в этом... сущность его творчества» [А. П. Чехов: pro et contra..., 2002. С. 567].

Чехов, экспериментатор по своей интенциональности, проверяет жизнеспособность современного Дон-Кихота при следующих условиях.

² В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в тексте в круглых скобках с указанием страницы.

³ Современник Чехова В. П. Альбов рассуждал о писательской интенции Чехова: «Принижая человека до животного, он тоскует по общей идее, по Богу живого человека, которая связала бы прочно в одно целое... всё, что есть в нем человеческого, разумного (курсив мой. – Л. С.)» [А. П. Чехов: pro et contra..., 2002. С. 389].

1. Эпоха «упадка, заката, гибели» – «конец века» – не располагает к подвигу, а призывает к проявлению чувства самосохранения.

2. Личное безволие становится родовой чертой интеллигента 1880-х гг.⁴

3. Человек выступает не как «чудной» – необычный, а как «средний», «обыкновенный». У Лескова Дон-Кихот – это «чудака... в наш стереотипный век», а у Чехова, если перефразировать Лескова, – «стереотипный человек в чудной век». Ординарность чеховского Дон-Кихота неоспорима: «...с внешней стороны, что-то тусклое и неопределенное. Одевается он безвкусно, обстановка у него унылая, поэзии и живописи он не признает, потому что они “не отвечают на запросы дня”, то есть он не понимает их; музыка его не трогает. Хозяин он плохой. <...> У него нет ни талантов, ни дарований и нет даже обыкновенной способности жить, как люди живут. <...> Он либерал и считается в уезде красным, но и это выходит у него скучно. В его вольнодумстве нет оригинальности и пафоса...» (С. 63).

4. «Деяние» Дон-Кихота чеховской поры выражается в отсутствии действия. У Лескова Дон-Кихот, в соответствии с характеристикой первообраза, действует, часто неуместно; у Чехова – только говорит, а если и делает, то в частной жизни, для «личного употребления». Чеховский Дон-Кихот Власич ведет «утомительные, шаблонные разговоры <...> похожие один на другой, точно он готовится их не в живом мозгу, а машинным способом» (С. 64).

Власич имеет вполне дон-кихотский внешний облик – «немолодой», «тощий, сухопарый, узкогрудый, с длинным носом» (С. 63). Он так же беззащитен против «толпы», как «канонический» Рыцарь печального образа: «В практической жизни это наивный, слабый человек, которого легко

обмануть и обидеть, и мужики недаром называют его “простоватым”» (С. 63). Власич нелепо женится, как в свое время лесковский Рогожин, – но не по любви, а «по идее», пытаясь доказать, прежде всего себе самому, что совершает благородный поступок («странный брак во вкусе Достоевского», по определению обиженного Ивашина (С. 65)).

Дон-Кихот у Чехова теряет цель и становится псевдогероем. Ивашин «считал Власича хорошим, честным, но узким и односторонним человеком. В его волнениях и страданиях, да и во всей его жизни, он не видел ни ближайших, ни отдаленных высших целей, а видел только скуку и неумение жить. Его самоотвержение и все то, что Власич называл подвигом или честным порывом, представлялось ему бесполезной тратой сил, ненужными холостыми выстрелами, на которые шло очень много пороха. <...> и то, что Власич всю свою жизнь как-то ухитрялся перепутывать ничтожное с высоким, что он глупо женился и считал это подвигом, и потом сходил с женщинами и видел в этом торжество какой-то идеи, – это было просто непонятно» (С. 65).

Болезненное бессилие было свойственно интеллигенции 1880-х гг.⁵ На фоне бездействующих и безыдеальных людей даже Власич мог казаться крупной, хотя и запутавшейся личностью, и Ивашин вопреки своему предубеждению против приятеля «чувствовал присутствие в нем какой-то силы» (С. 65). Ивашин готов признать главное преимущество своего невольного противника: «Он говорил и делал то, что думал, а я говорю и делаю не то, что думаю...» (С. 71). Повторим, что это относительное достоинство, несколько не отменяющее принадлежности Власича к общности «хмурых людей» 1880-х гг. В размышлении Ивашина скорее проявляется логическая подмена: не сильное противостоит слабому,

⁴ Набоков составил обобщенный портрет чеховского персонажа: «Чеховский интеллигент был человеком, сочетавшим глубочайшую порядочность с почти смехотворным неумением осуществить свои идеалы и принципы, человеком, преданным нравственной красоте, благу всего человечества, но в частной жизни неспособным ни на что дельное... точно знающим, что хорошо, ради чего стоит жить, но при этом все глубже тонущим в грязи надоевшего существования... безнадежным неудачником в любой области, добрым человеком, неспособным творить добро» [2010. С. 357].

⁵ «Роднит их (чеховских интеллигентов. – Л. С.) прежде всего то, что мы назвали ущербом нормального чувства жизни. Они не живут полной жизнью – не потому, что не могут жить при тех или иных общественных условиях, не потому, чтобы им было совестно жить во всю ширь своей природы, когда рядом умирают от голода и холода, но просто потому, что они или больны, или настолько наследственно слабы и неспособны, что борьба за существование является для них совершенно не по силам», – делает вывод Е. А. Ляцкий [А. П. Чехов: pro et contra..., 2002. С. 453].

а слабое – слабейшему. Вот почему возвращающийся домой ни с чем Ивашин недоумен: «Я – старая баба. <...> Ехал затем, чтобы решить вопрос, но еще более запутал его. Ну, да Бог с ним!» (С. 71). Заметим, что Петр Михайлыч лениво отмахивается от назойливого вопроса, не пытаясь найти пути к его разрешению, – эта характерная психологическая отсрочка неприятного переживания свидетельствует о его душевной лени. Понятно, что в сравнении с вялым Ивашиним Власич обладает «силой» иногда доводить начатое до конца.

Мифологизируется в этом рассказе не Дон-Кихот, а гоголевский Хома Брут. Власич пересказывает предание об изверженном арендаторе Оливьере, в 40-х гг. замучившем (забившем до смерти) то ли бунтовавшего его крестьян, то ли влюбившего в себя его дочь «одного из благодушнейших сынов бродячей Руси, что-то вроде гоголевского бурсака Хома Брута» (С. 67). Рассказ об отважном бродяге, не побоявшемся пойти против самодура, подтекстуально дублирует и одновременно аннигилирует главную историю – о слабых людях 1880-х гг.⁶ Недаром Власич домысливает легенду по своему: «Я думаю, что бурсак все вместе: и крестьян волновал, и дочь увлек. Может быть, даже это был вовсе не бурсак, а инкогнито какой-нибудь» (С. 67). Незадачливого «героя» волнует мысль о чужих подвигах, о людях, сила воли которых многократно превосходила волевые потенции слабого поколения 1880-х гг.

Дон-Кихот Чехова – просто запутавшийся в заемных идеях неудачник; он любит пересказывать труды по общественным вопросам, гостям на ночной столик подкладывает Дарвина или Писарева. Подобно «классическому» Дон-Кихоту, он верит в идею, пусть даже она у него раздроблена и «сшита» из давно известного материала. Он не

любит перемещаться, не странствует в поисках «обиженных». Его дон-кихотство, в сущности, весьма бережливое, он экономит свои силы, да и сил у него маловато. Говорить и делать, а не просто безрассудно делать, – вполне интеллигентский алгоритм поступка.

Вариант сверхтипа Дон-Кихота в рассказе А. П. Чехова «Соседи» представляет собой его постреалистическую трансформацию. Это в немалой степени обусловлено социокультурным фоном рассказанной истории. Структура характера сохраняется, меняются внутреннее содержание и смысл поступка.

Таким образом, разница двух Дон-Кихотов – лесковского и чеховского – заключается, во-первых, в философии поступка: деятельном служении идее у героя Лескова и не-деянии у героя Чехова; во-вторых, в поведенческих моделях Дон-Кихотов разных социально-исторических эпох: безрассудстве Рогожина и осторожности Власича; в-третьих, в цельности идеи у Рогожина и раздробленности идей у Власича (С. 63–64); наконец, в-четвертых, в размывании моральных границ: один поддерживает традиционную мораль и женится на «можайской дворянке», пусть даже и оставленной без дворянского воспитания, другой соблазняет дворянскую дочь и недоумевает, почему этот прецедент не находит поддержки в семье Ивашиных.

В целом, персонаж Лескова представляет собой традиционный вариант сверхтипа Дон-Кихота, в то время как персонаж Чехова существенно варьирует «первообраз» героя Сервантеса. Сравнение двух Дон-Кихотов, созданных ведущими русскими писателями последней трети XIX в., приводит нас к выводу о смене характерологической парадигмы в эволюции русской литературы от 1870-х к 1890-м гг.

Список литературы

А. П. Чехов: pro et contra: творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): Антология. СПб., 2002. 1072 с.

Лейдерман Н. Я. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. 904 с.

Набоков В. В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2010. 448 с.

⁶ «Подтекстом устанавливаются скрытые связи между образами во внутреннем мире произведения. Можно сказать, что подтекст как бы проникает под плоскость словесного высказывания, он вскрывает глубинные пласты в художественном мире, делаю его многослойным. Искусство подтекста начинает формироваться в пору зарождения психологического анализа. <...> Именно подтекст позволяет улавливать скрытые даже от интеллектуальной рефлексии трудноуловимые суггестивные психологические состояния» [Лейдерман, 2010. С. 126].

Список источников

Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 6. 606 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л.: Наука, 1964. Сочинения. Т. 8. 624 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1986. Сочинения. Т. 8. 527 с.

Материал поступил в редколлегию 29.10.2012

L. N. Sinyakova

**TWO DON-QUIXOTS:
THE CHANGING OF THE POETICAL CONCEPTION OF THE HYPERTYPE FROM 1870s TO 1890s
(LESKOV AND CHEKHOV)**

The article deals with the hypertypical aspects in the works of the outstanding writers of the end of the XIX century. Leskov's novel «The Shabby Family» and Chekhov's short story «The Neighbors» both contain the poetical analysis of the Don-Quixot's character paradigm. The difference is that Chekhov creates the personality within postrealistic manner, so his Don-Quixot is bored, ordinary and non-charismatic, while Leskov's personage is quite an ideal. The comparison of the Two Don-Quixots reveals the important tendency of the literary characterology change.

Keywords: a symbolic mode, enthusiasm, idealization, an «ordinary man» type, the philosophy of acting.